

Сказка Туве Янссон
" Муми-папа и море "
Глава вторая - Маяк

В решающий вечер отплытия задул восточный ветер; он поднялся вскоре после полудня, и они решили трогаться в путь перед заходом. Море было теплым, глубокого синего цвета, таким же синим, как в хрустальном шаре. Пристань была завалена багажом до самой крыши купальни, возле которой покоилась привязанная лодка. Она покачивалась на волнах, ее парус был подтянут кверху, а на верхушке мачты укреплен штормовой фонарь. На берегу уже темнело.

* * *

– Конечно, мы рискуем попасть в штиль этой ночью, – говорил Муми-папа. – Мы могли бы выйти сразу после обеда. Но в этом случае мы должны дождаться заката. Начало путешествия так же важно, как первые строки в книге: оно определяет все. – Он сел на песок рядом с Муми-мамой.

– Посмотри на лодку, – сказал он. – Посмотри на "Приключение". Лодка в ночи – чудесное зрелище. Штормовой фонарь сияет на мачте, берег исчезает за спиной, в то время как целый мир погружен в сон... – вот так надо начинать новую жизнь. Ночное путешествие прекраснее всего на свете.

– Да, ты прав, – согласилась Муми-мама. – Поездку совершают днем, а в путешествие отправляются ночью. – Она порядком устала от сборов и слегка волновалась, не забыли ли они что-нибудь важное. Гора вещей на пристани выглядела огромной, но она знала, каким незначительным все это покажется, когда будет распаковано. Целой семье нужно ужасно много вещей для того, чтобы прожить нормально хотя бы один день.

Но сейчас, конечно, все будет иначе. Они начинали совершенно новую жизнь, и Муми-папа должен обеспечивать их всем необходимым, заботиться о них и защищать их. Жизнь, должно быть, была слишком легкой до сих пор. "Странно, – думала Муми-мама, – странно, что люди грустят, даже сердятся из-за того, что жизнь слишком легка. Но так уж они устроены. Нам остается только начать все сначала".

– Не думаешь ли ты, что уже достаточно темно? Твоя штормовая лампа чудесно смотрится на фоне неба. Наверное, мы уже можем отчаливать.

– Одну минуту, я должен определить наш курс, – сказал Муми-папа. Он разложил на песке карту и долго смотрел на одинокий остров в открытом море. Муми-папа был очень серьезен. Некоторое время он принохивался к ветру, пытаясь разбудить чувство направления, которым уже довольно давно не пользовался. – Наши предки не беспокоились, когда им нужно было выбрать правильный курс. К сожалению, инстинкт слабеет, если им не пользоваться.

Спустя некоторое время Муми-папа почувствовал правильный путь. Он знал, куда плыть, так что они могли поднять парус. Он нахлобучил свою шляпу прямо и сказал:

– Будем отчаливать. Но ты не бери ни единой вещи, мы сделаем всю тяжелую работу. Просто подымайся на борт.

Муми-мама кивнула и встала, почему-то чувствуя слабость. Море сделалось фиолетовым, и темная линия леса вдоль берега выглядела мягкой. Она очень хотела спать, и ей внезапно почудилось, что все вокруг слегка нереально; медленный, фантастически освещенный сон, в котором идешь через тяжелый-тяжелый песок и не можешь никуда прийти.

Остальные грузили багаж на пристани. Штормовой фонарь раскачивался туда-сюда, и силуэты пристани и купальни на фоне вечернего неба напоминали длинного, покрытого шипами дракона. Оттуда доносился смех Малышки Мю, а позади себя Муми-мама слышала крики ночных птиц, все еще бодрствующих в лесу.

– Это так прекрасно! – сказала Муми-мама сама себе. – Прекрасно и чуть необычно. Теперь эта затея в самом деле кажется замечательной. Надеюсь, папа не будет возражать, если в лодке я слегка вздремну.

* * *

Морра пробралась в сад после захода, но в этот раз лампы на веранде не было. Занавески были опущены, а корыто для воды перевернуто вверх дном. Ключ висел на гвозде над дверью.

Она повидала много брошенных домов и сразу поняла, что здесь еще очень долго никто не будет зажигать лампу. Морра медленно заскользила вверх по склону к обрыву. На секунду ее отражение мелькнуло в хрустальном шаре, но затем он опять наполнился своей необычной, нереальной синевой. Лес задержал дыхание в страхе, из-под мха послышались странные тоненькие звуки, ветви затрепетали от ужаса, и повсюду погас свет крохотных глаз. Нигде не задерживаясь, Морра подошла к краю обрыва, оглядела южный берег и усталилась в море. С приближением ночи она становилась все черней.

Она ясно видела штормовой фонарь на верхушке мачты "Приключения" – одинокую звезду, убегающую мимо последних островов в открытое море.

Морра глядела долго, потому что никогда не спешила. Время для нее было бесконечным и текло очень медленно. Оно не содержало ничего, кроме случайных ламп, зажигающихся с приближением осени.

Потом она направилась вниз по оврагу к берегу, оставляя позади себя большие бесформенные следы, как будто тюлень прошлепал к воде. Волны подались назад при ее приближении и медлили, словно не знали, что делать дальше. Вокруг темного подола ее юбки вода стала ровной и неподвижной и начала замерзать.

Она стояла так долго, пока ее не окутало облако морозного тумана. Время от времени она поднимала то одну то другую ногу, лед трещал и становился все толще и толще. Она растила ледяной остров для того чтобы добраться до штормового фонаря. Хотя его не было видно, она знала, что он где-то там, за островами. Неважно, если он погаснет до того, как она достигнет цели. Она может подождать. Другим вечером они зажгут другую лампу. Они всегда делают это рано или поздно.

* * *

Муми-папа правил лодкой. Он крепко сжимал лапой руль, чувствуя, что они с лодкой понимают друг друга. Он находился в полном мире с самим собой.

Его домашние выглядели такими же маленькими и беспомощными, как в хрустальном шаре, и он уверенно вел их через огромный океан сквозь безмолвную голубую ночь. Штормовой фонарь освещал путь, его луч казался Муми-папе яркой линией, прочерченной им самим на карте со словами: "Отсюда – сюда. Здесь мы будем жить. Здесь мой маяк будет центром мира, он будет гордо возвышаться над опасностями океана!"

– Тебе не холодно? – счастливо кричал Муми-папа. – Ты завернулась в одеяло? Смотри, последний остров остался позади нас, наступает самая темная часть ночи. Очень трудно идти под парусом ночью. Все время надо быть начеку.

– Конечно, дорогой! – отозвалась Муми-мама, свернувшаяся на дне лодки. "Это великий опыт", – думала она. Одеяло слегка намокло, и она осторожно сдвинулась к подветренной стороне. Правда, уши ее все равно упирались в каркас лодки.

Малышка Мю сидела на носу, монотонно напевая сама себе.

– Мама, – прошептал Муми-тролль, – почему она сделалась такой?

– Кто?

– Морра. С ней сделали что-то, отчего она стала такой ужасной?

– Не знаю, – сказала Муми-мама, вытаскивая свой хвост из воды. – Это, наверное, потому, что никто вообще ничего не делал. Я имею в виду, никто не интересовался ею. Во всяком случае, не думаю, что она о чем-то помнит или размышляет. Она как дождь или мрак, или камень, который нужно обойти, чтобы двигаться вперед. Хочешь кофе? Он в термосе в белой корзинке.

– Нет, не сейчас, – сказал Муми-тролль. – У нее стеклянные глаза, как у рыбы. Она умеет разговаривать?

Муми-мама вздохнула и ответила:

– Никто не говорит с ней, и о ней тоже, иначе она становится больше и начинает преследовать человека. И не надо жалеть ее. Ты,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

кажется, вообразил, что она тянется к свету, но на самом деле она лишь хочет сесть на то, что светится, чтобы оно никогда не светило снова. А сейчас, я думаю, я бы немного соснула.

Небо усыпали бледные осенние звезды. Лежа на спине, Муми-тролль глядел на штормовой фонарь и думал о Морре. Тот, с кем и о ком нельзя говорить, должен был бы постепенно исчезнуть и даже не осмеливаться верить в свое собственное существование. Муми-тролль размышлял, может ли зеркало помочь Морре. Имея много-много зеркал, можно быть любым количеством существ, видных спереди и сзади, эти существа могли бы даже разговаривать друг с другом. Возможно...

Было тихо. Только руль слегка поскрипывал. Все спали. Муми-папа был наедине со своей семьей. Он не помнил себя таким бодрым, как сейчас.

* * *

К утру Морра решила, что пора отправляться в путь. Остров под ней был черен и прозрачен, его острый ледяной бушприт указывал на юг. Она подобрала свои черные юбки, свисающие с нее, как листья увядшей розы. Они раскрылись и зашуршали, вздымаясь, как крылья. Так началось медленное путешествие Морры через море.

Она двигала своими юбками вверх, наружу и вниз, как будто гребла в мерзлом воздухе. Вода отбегала назад мелкими испуганными волнами, и Морра плыла, оставляя за собой облако легкого снега. Ее силуэт на фоне неба напоминал большую летучую мышь. Она продвигалась очень медленно, но это ее устраивало. У нее было время. У нее не было ничего, кроме времени.

* * *

Семья плыла всю ночь и весь следующий день, пока снова не наступила ночь. Муми-папа сидел у руля и ждал, когда покажется свет маяка. Но их окружала только темно-синяя ночь, и на горизонте ничего не было видно.

– Мы на верном пути, – сказал Муми-папа. – При таком ветре мы попадем туда до полуночи, но маяк должен был показаться еще в сумерках.

– Может, какие-нибудь негодяи потушили его, – предположила Малышка Мю.
– Ты думаешь, кто-то выключил маяк? – ответил Муми-папа. – Будь спокойна, с ним все в порядке. Есть вещи, на которые можно полагаться: например, морские течения, времена года, восход солнца. Маяки всегда работают.

– Мы скоро увидим, – сказала Муми-мама. Ее голова была полна мелких мыслей, которые она не могла привести в порядок. "Хоть бы все было хорошо, – думала она. – Он так счастлив. Надеюсь, там действительно есть остров с маяком, а не просто мушиный след. Невозможно вернуться домой после такого торжественного начала... Вот бы найти большие розовые ракушки, да и белые очень хорошо смотрятся на черной земле. Интересно, растут ли там розы..."

– Тише! Я что-то слышу, – сказала вдруг Малышка Мю со своего места на носу. – Что-то происходит.
Все подняли носы и стали всматриваться в ночь. Вскоре звук весел достиг их ушей. Какая-то лодка медленно приблизилась и выплыла из темноты. Это была маленькая серая лодка; сидящий в ней человек опирался на свои весла и взидал на пришельцев без особого удивления. Вид у него был очень потрепанный, но вполне спокойный. Свет отражался в его больших голубых глазах, прозрачных, как вода. На носу лодки располагалось несколько удочек.

– Разве рыба клюет по ночам? – спросил Муми-папа.
Рыболов смотрел куда-то мимо них. Он и не подумал ответить.
– Разве рядом нет острова с большим маяком? – продолжал Муми-папа. – Почему маяк не работает? Он давно должен был показаться.
Рыболов скользил мимо них в своей лодке. Они с трудом расслышали его, когда он наконец заговорил.
– Не знаю... Возвращайтесь домой... Вы заплыли слишком далеко...
Он исчез. Они пытались услышать звук весел, но ничего не было слышно в молчании ночи.
– Он не показался вам немного странным? – неуверенно спросил Муми-папа.
– Очень странным, если вы спросите меня, – заявила Малышка Мю, – Он просто чокнутый.
Муми-мама вздохнула и выпрямила ноги.
– Большинство наших знакомых такие – в большей или меньшей степени, – сказала она.
Ветер утих. Муми-папа сидел у руля выпрямившись и принимавался.
– Сейчас я чувствую, что мы на месте – сказал он. – Мы подходим к подветренной стороне острова. Я только не понимаю, почему не работает маяк.

Запах вереска наполнял теплый воздух. Все было абсолютно неподвижно. Затем из ночной темноты возникла огромная тень и нависла над ними: это был сам остров, внимательно их разглядывающий. Они ощутили его горячее дыхание, когда лодка ударилась в песчаный берег и остановилась. Чувствуя, что за ними наблюдают, они прижались друг к другу, не осмеливаясь двинуться.

На берегу послышались быстрые шаги, легкий плеск, потом опять стало тихо.
– Ты слышала, мама? – прошептал Муми-тролль.
– Малышка Мю сошла на берег, – сказала Муми-мама. Она заставила себя сдвинуться с места и начала копать среди своих корзинок, пытаясь перетащить коробку с землей и розами через борт лодки.
– Не беспокойся, – нервно сказал Муми-папа. – Я позабочусь об этом. Все должно быть правильно организовано с самого начала. В первую очередь надо заняться лодкой. Сядь и не волнуйся.

Муми-мама послушно села, стараясь не попасть под опускающийся парус, в то время как Муми-папа возился в лодке, все организовывая. Штормовой фонарь высвечивал круг белого песка и черной воды, а за его пределами был только мрак. Муми-папа и Муми-тролль вытянули на берег матрас, при этом намочив его. Лодка накренилась, и сундук прижал розовые кусты к борту. Муми-мама сидела и ждала, уткнувшись носом в лапы. В свое время она, наверное, привыкнет к тому, что о ней заботятся, может, ей это понравится. Она задремала на пару минут. Потом появился Муми-папа со словами: "Теперь можешь идти, все готово". Он был счастлив и бодр, его шляпа была сдвинута на затылок. Выше на берегу он соорудил палатку из паруса и весел, похожую на большого зверя, присевшего на задние лапы. Муми-мама попыталась разглядеть, есть ли на их новом берегу ракушки, но было слишком темно. Они обещали ей, что здесь будут ракушки, большие и редкие, какие попадают только далеко в море.

– Ну вот, – сказал Муми-папа. – Все, что тебе надо сейчас делать – это идти спать. Я буду стоять на страже всю ночь, так что тебе нечего бояться. Завтра ты будешь ночевать в моем маяке. Если б я только знал, почему он не работает... Ну что, там уютно?

– Просто прекрасно, – ответила Муми-мама, заползая под парус.
Малышка Мю как всегда гуляла сама по себе. Но это не имело значения, потому что она была членом семьи, которому удавалось справляться со всем самостоятельно. Пока все шло хорошо.

Муми-тролль наблюдал, как Муми-мама повернулась раз или два на влажном матрасе, пока не нашла свое любимое место, тихонько вздохнула и заснула. Из всего необычного самым необычным было то, что Муми-мама заснула на новом месте, не распаковав вещи, не приготовив постели, не пожелав всем спокойной ночи перед сном. Она даже оставила свою сумку на песке. Это было страшновато и в то же время весело, это означало, что произошли настоящие перемены, а не просто приключение.

Муми-тролль высунул нос из-под паруса. Снаружи сидел на страже Муми-папа, поставив перед собой штормовой фонарь. Его тень была очень длинной, и сам он выглядел намного больше, чем обычно. Муми-тролль опять свернулся в клубок и положил лапы на свой теплый животик. Он отдал себя снам. Они были синие и качающиеся, такие же, как море в эту ночь.

Утро наступало медленно. Муми-папа был наедине со своим островом, который с каждым часом принадлежал ему все полнее. Небо начало светлеть, и скалы выросли огромной неровной массой, а над ними Муми-папа увидел маяк. Он появился наконец, громадный и черный на фоне серого неба. Он был гораздо больше, чем Муми-папа представлял себе, потому что именно в этот предрассветный час одинокий и бодрствующий чувствует себя беспомощным, и все кажется ему опасным.

Муми-папа потушил штормовой фонарь, и берег исчез. Муми-папа не хотел, чтобы маяк увидел его до срока. С моря дул холодный утренний ветер, с другой стороны острова доносились крики чаек.

Маяк, казалось, вздымался все выше и выше над сидящим на берегу Муми-папой. Он походил на модель, которую Муми-папа не успел закончить. Сейчас он заметил, что крыша у маяка не такая заостренная, как он думал, и что там нет поручней. Муми-папа долго смотрел на темный и покинутый маяк, и постепенно тот начал уменьшаться, приближаясь к давно вынашиваемому образу.

"Во всяком случае, это мое, – подумал Муми-папа, зажигая трубку. – Я захвачу маяк, я преподнесу его моей семье и скажу: "Здесь мы будем жить. Внутри мы в безопасности, там с нами не может случиться ничего страшного"".

* * *

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Малышка Мю глядела на восход, сидя у подножия маяка. Внизу в полумраке лежал остров, напоминающий большого серого потягивающегося кота, выпустившего когти; обе его лапы покоились в море, хвостом служил длинный узкий мыс. Шерсть на кошачьей спине стояла дыбом, а глаза были невидимы.

– Да! – сказала Малышка Мю. – Это не простой остров. Он лежит на морском дне не так, как другие острова. Могу поспорить, здесь что-то случится.

Она свернулась калачиком и ждала. Солнце вставало над морем, все обретало цвета и тени. Остров обретал форму и втягивал когти. Кот исчез. Все засияло, и белоснежные чайки закружились над водой. Тень от маяка широкой темной лентой протянулась через остров к берегу, где находилась лодка.

А вот далеко внизу показались все остальные, с высоты похожие на муравьев. Нагруженные корзинами Муми-папа и Муми-тролль вышли из-за кустов акации и вступили в тень маяка. Здесь они сделались еще меньше – три маленьких белых точки – и остановились, задрав головы, чтобы разглядеть то, что возвышалось над ними.

– Ох, какой же он большой! – выдохнула Муми-мама и застыла на месте.

– Большой?! – закричал Муми-папа. – Он огромный! Это, наверное, самый большой маяк из всех когда-либо построенных. И знаешь ли ты, что это самый последний населенный клочок земли. Все остались далеко позади. Впереди только море. Замечательно осознавать это, правда?

– Конечно, замечательно, папа! – воскликнул Муми-тролль.

– Можно, я немного понесу корзинку? – спросила Муми-мама.

– Нет, нет, – возразил Муми-папа, – ты не должна таскать вещи. От тебя требуется только войти в свой новый дом... Но погоди, тебе нужны цветы, постой минутку... – И он скрылся между ольховыми деревьями в поисках цветов.

Муми-мама огляделась. Какая бедная здесь почва! И как много камней вокруг, целые кучи. Да, здесь будет нелегко разбить сад.

– Какой печальный звук, мама, – сказал Муми-тролль. – Что это?

Муми-мама прислушалась.

– Это осины, – ответила она. – Они всегда звучат грустно.

Крохотные прибитые ветром осины росли между камнями. Они шуршали и отчаянно трепетали под порывами ветра с моря, одна за другой по ним пробегали волны дрожи. Днем остров был иным: он как бы повернулся к пришельцам спиной. Его взгляд был направлен не на них, как это было ночью, а далеко в море.

– Ну вот, – сказал Муми-папа, – они ужасно маленькие, но они распустятся, если ты поставишь их на солнце. А сейчас мы должны идти. Скоро появится дорожка, ведущая от берега прямо к маяку. Там будет пристань для лодки. Так много надо сделать! Подумай только! Самому строить свою жизнь и превращать остров в чудо совершенства! – Он поднял корзины и заторопился через вереск к маяку.

Перед ними лежали серые древние скалы с крутыми и острыми уступами. Они спотыкались, минуя пропасти – серые, полные трещин и расщелин.

"Здесь все слишком большое, – думала Муми-мама. – Или, может, я слишком маленькая".

Только тропинка была такая же маленькая и уязвимая, как Муми-мама. Они осторожно пробрались через валуны к маяку и остановились в ожидании на его массивном цементном подножии.

– Добро пожаловать домой! – сказал Муми-папа.

Они медленно обратили свои взгляды к маяку. Белый и гигантский, он возносился все выше и выше на невероятную высоту. У его верхушки летала стайка испуганных воробьев. От этого вида кружилась голова.

– Я чувствую себя немного нехорошо, – слабо произнесла Муми-мама.

Муми-тролль посмотрел на отца. Серьезный Муми-папа взобрался на ступени и поднял лапу, чтобы взяться за дверную ручку.

– Она закрыта, – услышал он позади себя голос Малышки Мю.

Муми-папа повернулся и непонимающе уставился на нее.

– Она закрыта, – повторила Малышка Мю, – а ключа нет.

Муми-папа потянул за ручку. Потом начал дергать и крутить ее. Он стучал в дверь и даже дал ей пинка. В конце концов он отступил на шаг и оглядел ее.

– Здесь есть гвоздь, – сказал он. – Вы сами видите. Очевидно, что он для ключа. Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь закрывал дверь и не вешал ключ на гвоздь, как положено. Особенно смотритель маяка.

– Может, он под ступеньками, – предположила Муми-мама.

Ключа не было и под ступеньками.

– А сейчас вы все помолчите. Просто помолчите. Я должен подумать. – Муми-папа отошел в сторону, сел на камень и стал смотреть на море.

Потеплело. Юго-западный ветер нежно овеивал остров. Стоял отличный день, как нельзя более подходящий для новоселья. Муми-папа так расстроился, что в животе у него стало холодно. Ему никак не удавалось сосредоточиться. Здесь не было ни дверных рам, ни подоконников, ни плоских камней – никакого другого места для ключа, кроме как на гвозде или под ступенями. Все было гладким и голым.

Муми-папа чувствовал, что устал. Он все время отдавал себе отчет, что его семья стоит позади, ожидая в молчании, когда он скажет что-нибудь. В конце концов он бросил через плечо: "Я собираюсь немного поспать. Трудные задачи часто решаются во сне. Мозг лучше работает, когда его оставляют в покое". Он заполз в трещину в скале, натянул шляпу на глаза и с огромным облегчением погрузился в сон.

Муми-тролль заглянул под ступеньки.

– Здесь ничего нет, кроме мертвой птицы, – сообщил он и положил крохотный хрупкий белый скелет на лестницу, откуда его немедленно сдуло ветром.

– Я видела много таких в вереске, – сказала моментально заинтересовавшаяся Малышка Мю. – Напоминает мне "Месть Забытых Костей". Классный рассказ.

– Что же нам теперь делать? – спросил Муми-тролль.

– Я думаю о рыболове, которого мы встретили ночью, – сказала Муми-мама, – он ведь живет где-то на острове. Может, он что-то знает.

– Она открыла мешок с постелями и достала красное одеяло. – Накрой папу. Нехорошо спать на голых камнях. А потом можешь обойти остров и поискать рыболова. Принеси мне немного морской воды на обратном пути. Медная банка в лодке. И картошка тоже.

Хорошо было наконец сдвинуться с места и начать действовать. Муми-тролль отвернулся от маяка и побрел прочь по острову. Заросли красного вереска покрывали склон, под скалой было тихо и тепло. Твердая и горячая земля пахла хорошо, но совсем не так, как дома в саду.

Сейчас, оставшись в одиночестве, Муми-тролль смог как следует присмотреться и принюхаться к острову, почувствовать его своими лапами, насторожить уши и прислушаться. Вдали от рева моря остров был тише, чем Муми-долина, почти совершенно безмолвен и ужасно, ужасно стар.

– С этим островом нелегко будет познакомиться, – думал Муми-тролль. – Он хочет, чтобы его оставили в покое.

Вересковое поле исчезало в мшистом болоте посередине острова и появлялось с другой стороны болота только для того, чтобы раствориться в низенькой чаще елей и карликовых берез. Здесь не было ни одного высокого дерева – все жалось к земле, нащупывая путь через скалы. Муми-тролль понял, что ему тоже нужно сделаться как можно меньше. Он побежал к мысу.

* * *

На западной оконечности острова стоял маленький домик, построенный из камней и цемента. Он был прочно прикреплен к скале железными скрепами. Сзади он был круглый, как тюлень, и смотрел прямо в море через маленькую, прочную оконную раму. Дом был такой крохотный, что в нем можно было сидеть, только если ты был нужного размера. Рыболов построил его для себя. Сам он лежал тут же на спине, заложив руки за голову, и глядел на ползущие по небу облака.

– Доброе утро, – поздоровался Муми-тролль. – Так это здесь ты живешь?

– Только когда штормит, – туманно ответил рыболов.

Муми-тролль кивнул с серьезным видом. Это подходящий образ жизни для того, кто любит большие волны, – сидеть в самом центре прибоя, наблюдая, как огромные водяные горы приходят и уходят, слушая, как море грохочет по крыше. Муми-тролль хотел спросить, нельзя ли и ему как-нибудь посмотреть на волны, но дом был явно рассчитан на одного.

– Мама шлет наилучшие пожелания, – сказал он. – Она просила меня узнать о ключе от маяка.

Рыболов не ответил.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Папа не может попасть туда, – объяснил Муми-тролль. – Мы и подумали, что, может, ты знаешь, где ключ... Тишина. Облаков в небе стало больше.

– Там жил смотритель маяка, правда ведь? – спросил Муми-тролль.

Наконец рыболов повернул голову и взглянул на него своими водянистыми глазами.

– Нет, я ничего не знаю о ключе, – сказал он.

– Он потушил маяк и ушел? – продолжал Муми-тролль. До этого он никогда не встречал никого, кто бы не отвечал, когда его спрашивают. Он волновался и чувствовал себя неуютно.

– Я действительно не помню, – сказал рыболов. – Я забыл, как он выглядел. – Он медленно поднялся и зашагал через камни – серый, сморщенный и легкий, как перышко. Он был очень маленький и не имел ни малейшего желания ни с кем разговаривать.

Муми-тролль постоял немного, глядя рыболову вслед, а потом повернулся и пошел обратно через узкую полосу земли. Он направился к лодке, чтобы принести банку.

Скоро они будут есть. Муми-мама разведет костер между корнями, и они разложат еду на ступеньках маяка. Все так или иначе наладится.

* * *

Берег был покрыт совершенно белым песком. Залив, изогнувшийся полумесяцем от одного мыса к другому, образовал ловушку для всего, что ветер сдувал к подветренной стороне острова. Принесенные морем бревна кучами лежали у линии прибоя под кустами ольхи, но ниже по берегу песок был чистый и гладкий, как отполированный пол. Идти по нему было приятно. Лапы оставляли ямки, которые немедленно наполнялись водой, как озера. Муми-тролль искал ракушки для мамы, но все, которые он находил, были поломаны. Наверное, их разбило море.

Он увидел в песке что-то блестящее, но это была не ракушка, а маленькая серебряная подкова. Неподалеку виднелись следы копыт, ведущие прямо в море.

"Лошадь, должно быть, прыгнула в море прямо здесь и потеряла одну из своих подков, – отметил про себя Муми-тролль. – Вот оно что. Какая крошечная лошадка. Интересно, подкова сделана из настоящего серебра или только посеребренная". Он поднял подкову и решил отдать ее маме.

Чуть дальше следы выходили из моря и вели прямо на берег. "Это, наверное, морская лошадь. Я никогда их не видел. Говорят, они водятся только далеко в открытом море, на страшной глубине. Надеюсь, у морской лошади есть запасная пара подков", – думал Муми-тролль.

Лодка лежала со свернутым парусом на боку и выглядела так, будто больше не желала плавать. Она была вытянута на берег так далеко, что казалось, ничего общего с морем не имеет. Муми-тролль стоял неподвижно и глядел на "Приключение". "Мне и вправду жаль ее, – подумал он. – Но она, наверное, спит. Все равно, как-нибудь ночью мы выйдем в море расставить сети".

Спокойные голубовато-серые облака собрались над островом и протянулись параллельными линиями через небо к горизонту. На берегу было очень одиноко. "Я иду домой", – решил Муми-тролль. Домом для него неожиданно стали ступени маяка. Долина, где они жили, отодвинулась вдаль. Кроме того, он нашел серебряную подкову, принадлежавшую морской лошади. Это почему-то все улаживало.

* * *

– Но не мог же он забыть все! – повторил Муми-папа второй раз. – Он должен был знать смотрителя маяка, ведь они жили на одном острове. Они должны были быть друзьями!

– Он совершенно ничего не помнит, – сказал Муми-тролль.

Малышка Мю вдохнула через нос и выдохнула сквозь зубы.

– Этот рыболов – старый дурак с головой, полной водорослей. Я поняла это с первого взгляда. Если двое таких, как он, живут на одном острове, они либо знают друг о друге все, что можно знать, либо вообще не желают иметь друг с другом дела. Возможно и то и другое. Вернее, одно – результат другого. Верьте мне, я знаю. Я разбираюсь в таких вещах.

– Надеюсь, что не будет дождя, – пробормотала Муми-мама. Все они стояли вокруг Муми-тролля. Сейчас, когда солнце скрылось за облаками, было довольно прохладно. Муми-тролль был слегка смущен и не хотел рассказывать им о доме, построенном, чтобы смотреть на волны. И невозможно было отдать Муми-маме подкову прямо сейчас, когда все стоят рядом, уставившись на него. Он решил сделать это позже, когда они останутся наедине.

– Надеюсь, что не будет дождя, – повторила Муми-мама. Она отнесла медную банку к костру и поставила цветы, которые собрал для нее Муми-папа, в воду. "Если пойдет дождь, я должна буду почистить один из горшков, чтобы собирать дождевую воду. Если, конечно, здесь есть горшки..."

– Но все это собираюсь делать я, – с грустью воскликнул Муми-папа. – Только потерпи. Все должно быть сделано в надлежащей последовательности. Мы не можем беспокоиться о пище, дожде и прочей ерунде, пока не найден ключ.

– Ха! – сказала Малышка Мю. – Этот старый рыболов выбросил ключ в море и смотрителя маяка вместе с ним. Здесь творились ужасные вещи, а худшее еще впереди!

Муми-папа вздохнул. Он направился в обход маяка к скалам, нависающим над морем, туда, где остальные не могли его видеть. Его домашние иногда действовали ему на нервы: они никак не могли сосредоточиться на главном. Он размышлял, все ли папы сталкиваются с этим.

Что ж, не было толку искать ключ или пытаться раздобыть его во сне. Он должен почувствовать, где он. Надо попытаться привести себя в нужное состояние, как это делал Мумипапин тесть. Всю жизнь его жена теряла вещи или оставляла их где-то и забывала где. Тогда его тесть поворачивал что-то в своем мозгу. Большого и не требовалось. Он всегда находил вещи после нее, а потом говорил добродушно: "Вот твоё старое барахло".

Муми-папа старался. Он бродил между скалами и пытался повернуть что-то в своих мозгах. В конце концов он почувствовал, как все, что там было, начало греметь, как горошины в жестянке. Но ничего не произошло.

Его лапы нашли хорошо утоптанную тропинку, которая бежала между камнями в короткой, сожженной солнцем траве. Пока он шел и включал что-то в мозгах, ему пришло в голову, что, наверное, смотритель маяка пользовался этим путем. Должно быть, раньше он много раз подымался и спускался здесь. И приходил на то же самое место на скале, глядящей в море, куда пришел Муми-папа. Тропинка закончилась. Впереди не было больше ничего, кроме огромного и пустого моря.

Муми-папа подошел к краю и взглянул вниз. Скала уходила в пропасть – обрыв за обрывом, масса играющих и танцующих изгибов, которые терялись из виду в неизмеримой глубине. У подножия скалы рокотал прибой, вода вздымалась и опускалась, тяжело ударяя о скалы и откатываясь назад, как большой неуклюжий зверь. Вода лежала в тени и была очень темной. Мумипапины лапы задрожали, и он отчетливо увидел, как все поплыло вокруг. Он быстро сел, но не мог оторвать взгляда от пропасти. Перед ним лежал великий океан неведомой глубины, и он сильно отличался от моря, которое играло у пристани там, дома. Муми-папа слегка наклонился вперед и заметил маленький уступ как раз под гребнем скалы. Он углублялся в скалу и был закруглен, как сиденье, поэтому казалось естественным спуститься вниз, на эту ровную площадку. Внезапно Муми-папа оказался совершенно один, вокруг ничего не было, кроме неба и моря.

Здесь, должно быть, и сидел смотритель маяка. И, наверное, он часто приходил сюда. Муми-папа зажмурился. Все было таким огромным, что у него закружилась голова, и горошины в ней загремели громче, чем прежде. Смотритель маяка приходил сюда во время прилива... Он видел перед собой белых чаек, парящих над штормовым морем, как снежное облако. Капли воды маленькими жемчужинами долетали до него, зависая на мгновение перед тем, как ринуться вниз, в черную воду...

Муми-папа открыл глаза и потрянул с себя оцепенение. Он прижался спиной и лапами к каменной стене позади и увидел, что в трещинах на скале растут маленькие белые цветы. Цветы, представляете! А в самой широкой трещине блестело что-то ржаво-красное: ключ, тяжелый железный ключ. Что-то щелкнуло в голове у Муми-папы. Конечно, все ясно как день. Смотритель маяка приходил сюда, когда хотел побыть один. Место для размышлений и медитации. И здесь он оставил ключ, чтобы Муми-папа мог найти его и занять маяк. С великими церемониями и с помощью магических сил Муми-папа избран владельцем и смотрителем маяка.

* * *

– Чудесно! Значит, ты нашел его! – обрадовалась Муми-мама.

– Где он был? – воскликнул Муми-тролль.

– О, я точно не знаю, – сказал Муми-папа таинственно. – Мир полон великих и замечательных вещей для тех, кто к ним готов.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Возможно, его дала мне самая большая и белая чайка...

– Ну да! – фыкнула Малышка Мю. – На шелковой ленте и под звуки военного оркестра, надо полагать.

Муми–папа взошел на ступеньки и вложил ключ в замочную скважину. Медленно, со скрипом, огромная дверь отворилась. Все внутри было погружено во тьму. Малышка Мю метнулась туда как пуля, но Муми–папа поймал ее за волосы и оттащил назад.

– Нет уж, – сказал он. – Ты не будешь первой на этот раз. Теперь я смотритель маяка, и я должен войти первым и провести инспекцию. – Он исчез в темноте с Малышкой Мю, следовавшей за ним по пятам.

Муми–мама медленно подошла к двери и заглянула внутрь. Маяк был пуст, как ствол гнилого дерева, снизу доверху тянулась гулкая винтовая лестница. С огромным усилием ступеньки карабкались все выше и выше по сужающейся спирали, скрипя и постанывая под ногами Муми–папы. Немного дневного света просачивалось через дыры в толстых стенах, и в каждой дыре виднелся силуэт большой неподвижной птицы. Птицы глазели на них сверху вниз.

– Не забывай, что сейчас пасмурно, – прошептал Муми–тролль. – Ты же знаешь, все выглядит мрачновато, если не светит солнце.

– Конечно, – сказала Муми–мама. Она переступила через порог и остановилась. Внутри было очень холодно и сыро. Земля между лужами была темной и мокрой, и на полу лежало несколько дощечек, чтобы добраться до лестницы. Муми–мама медлила.

– Взгляни! – сказал Муми–тролль. – У меня для тебя что–то есть.

Муми–мама взяла серебряную подкову и долго глядела на нее.

– Как красиво! – сказала она. – Чудесный подарок! Я и не знала, что существуют такие маленькие лошади...

– Пойдем, мама, – позвал Муми–тролль. – Заходи, и мы побежим на самый верх!

* * *

Муми–папа стоял наверху в дверном проеме, на нем была новая шляпа с мягкими висячими полями и мятым верхом.

– Что ты об этом думаешь? – спросил он. – Я нашел шляпу внутри. Она, должно быть, принадлежала смотрителю маяка. Входи же!

Входи! Здесь все совершенно такое, как я себе представлял.

Это была большая круглая комната с низким потолком и четырьмя окнами. Посередине располагался некрашенный стол и несколько пустых ящиков. Возле камина стояли кровать и маленькая тумбочка. Железная лестница вела к люку в потолке.

– Там наверху свет, – пояснил Муми–папа, – я зажгу его сегодня вечером. Разве это не здорово – иметь белые стены? Комната кажется такой большой и свежей. Если ты выглянешь в окно, то увидишь то же самое – пространство, свежий воздух, свободу!

Он взглянул на Муми–мamu, которая начала смеяться:

– Ты абсолютно прав! Воздуха здесь невероятно много!

– Кто–то здесь по–настоящему сошел с ума, – заметила Малышка Мю. Пол был покрыт осколками стекла, а над ними на белой стене расплылось масляное пятно, потеки от него сбежали книзу и образовали на полу лужу.

– Хотела бы я знать, кто это разбил свою лампу, – сказала Муми–мама, подымая бронзовую ламповую ручку, которая закатилась под стол, – и сидел потом в темноте.

Она провела лапой по поверхности стола, покрытой сотнями, а может и тысячами крохотных зарубок – шесть в ряд, а седьмая, перечеркивающая их. Семь... В неделе семь дней. Неделя за неделей все то же самое, кроме одной, в которой было пять зарубок. Муми–мама продолжала свое исследование. Она рассматривала чашки и кастрюли, читала надписи на пустых коробках: изюм из Малаги, виски из Шотландии, обыкновенные финские сухари; она подняла одеяло на кровати и увидела, что под ним еще есть простыни, но в тумбочку она не заглядывала.

Остальные смотрели на нее настороженно. Наконец Муми–папа спросил:

– Ну что?

– Он, наверное, был очень одинок, – отозвалась Муми–мама.

– Да, но что ты думаешь об этом?

– Я думаю, здесь очень уютно, – сказала Муми–мама. – Мы можем жить все вместе в одной комнате.

– Ну да, конечно! – воскликнул Муми–папа. – Я соберу бревна на берегу и сделаю кровати. Я построю дорожку и пристань – столько всего надо сделать... Но сначала мы должны внести внутрь наш багаж на случай, если пойдет дождь. Нет, нет, не ты дорогая. Ты должна расслабиться и почувствовать себя дома.

Малышка Мю обернулась на пороге и сказала:

– Я буду спать снаружи. Мне не нужна кровать. Кровати – это глупость.

– Хорошо, дорогая, – сказала Муми–мама. – Ты можешь зайти внутрь, если пойдет дождь.

Когда Муми–мама осталась одна, она повесила серебряную подкову на гвоздь над дверью. Потом подошла к окну и выглянула. Она переходила от одного окна к другому. Везде море, ничего, кроме моря и воробьиных криков. Большой земли совсем не было видно. На последнем окне она нашла нестираемый карандаш, кусочки шпагата и иглу для починки сетей. Она начала рассеянно рисовать на окне маленький цветок, аккуратно затеняя листья, но не думая ни о чем определенном.

* * *

Муми–папа стоял на камине, сунув голову в трубу.

– Там птичье гнездо, – закричал он. – Поэтому он не горит.

– А птицы там есть? – спросила Муми–мама.

Муми–папа был довольно черным, когда вылез из камина.

– Какая–нибудь бедная маленькая лысуха, я полагаю, – сказал он. – Но ее нет дома. Она, наверное, полетела на юг.

– Но она вернется весной! – воскликнул Муми–тролль. – И она должна найти свое гнездо, когда она прилетит домой. Мы можем готовить на дворе.

– Что? Всю оставшуюся жизнь? – удивилась Малышка Мю.

– Ну, мы можем убрать гнездо через некоторое время, – пробормотал Муми–тролль.

– Ха! Типично! – фыкнула Малышка Мю. – Ты считаешь, лысуху волнует, убрали ли гнездо сразу или через некоторое время? Ты говоришь это только для того, чтобы вышвырнуть ее со спокойной совестью.

– Мы действительно будем есть снаружи всю оставшуюся жизнь? – спросил Муми–папа в изумлении. Все посмотрели на Муми–мamu.

– Вытащи гнездо, – сказала она. – Мы можем повесить его за окном. Иногда тролли важнее лысух.

* * *

Муми–мама задвинула грязную посуду под кровать, чтобы прибрать комнату, а потом вышла на поиски почвы.

Она остановилась у ступеней маяка, чтобы плеснуть немного морской воды на розовые кусты. Они все еще ждали в своих коробках с землей из дома. Сад должен быть посажен с подветренной стороны и находиться как можно ближе к маяку, там, где солнце было бы почти весь день. Но прежде всего саду нужно много глубокой, богатой почвы.

Муми–мама искала и искала. Она прошла вдоль скалы, где стоял маяк, через вереск по направлению к мхам, через осиновую чащу, она брела по теплой торфянистой земле, но хорошей почвы все не было.

Никогда прежде она не видела столько камней. За группой осин не было ничего, кроме целой пустыни круглых серых камней. Посередине кто–то вынул несколько камней, так что образовалась дыра. Муми–мама подошла и заглянула в нее, но там были только камни – такие же круглые и серые. Она гадала, что искал здесь смотритель маяка. Наверное, ничего определенного. Может, он делал это просто для развлечения. Он вынимал один камень за другим, но они скатывались обратно, и он устал от всего этого и ушел.

Муми–мама направилась к песчаному берегу. И здесь она наконец нашла почву. Темная полоса плодородной земли протянулась вдоль береговой линии под ольховыми кустами. Мощные зеленые растения росли между камнями, их оживляли золотые и фиолетовые пятна – неожданная роскошь.

Муми–мама погрузила лапы в почву и почувствовала, что она наполнена миллионами растущих корней, которые нельзя беспокоить. Но это не имело значения: в конце концов здесь есть почва. Только сейчас Муми–мама впервые осознала, что остров настоящий.

Она окликнула Муми–папу, который собирал куски дерева в водорослях, побежала к нему, передник ее развевался на ветру, и закричала:

– Я нашла почву! Я нашла почву!

Муми–папа посмотрел на нее.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Привет! – сказал он. – Что ты думаешь о моем острове?

– Он не похож ни на что в мире! – с энтузиазмом заверила его Муми-мама. – Почва на берегу, вместо того, чтобы быть где-нибудь в середине острова!

– Я объясню тебе, – сказал Муми-папа. – Ты всегда должна спрашивать меня, если что-нибудь не понимаешь – я знаю все, связанное с морем. Так вот: то, что ты нашла – это водоросли, выброшенные волнами. Со временем они становятся почвой, настоящей почвой. Ты не знала этого. – Муми-папа засмеялся и протянул лапы, словно отдавая ей все водоросли в мире.

Муми-мама начала собирать водоросли. Она носила их весь день и складывала в трещину в скале. Со временем у нее будет кусочек сада. У водорослей был такой же теплый и темный цвет, как земля там, дома, и еще свой собственный пурпурный и рыжеватый оттенок.

Муми-мама была спокойна и счастлива. Она мечтала о морковке, редиске, картошке, о том, как они толстеют и округляются в теплой почве. Она видела зеленые листья, появляющиеся на свет сильными и здоровыми пучками. Она видела растения, колышущиеся на ветру на фоне голубого моря, сгибающиеся под тяжестью помидор, гороха и фасоли, чтобы у семьи было еда. Она знала, что ничего не сбудется до следующего лета, но это не имело значения. У нее было о чем мечтать. И в глубине души больше всего она мечтала о яблоне.

День подходил к концу.

Стук молотка в маяке давно прекратился, и воробьи притихли. Муми-мама насвистывала сама себе, идя домой через вереск с охапкой дощечек. Муми-папа сделал для нее перила, чтобы она могла держаться, и, кроме того, перед дверью стояли две маленькие кровати. Тут же стоял бочонок, который он нашел в море. Он был почти целый и, похоже, когда-то был зеленым.

Почему-то сейчас винтовая лестница не казалась такой пугающей. Нужно было только не смотреть вниз и стараться думать о чем-нибудь другом. Муми-тролль сидел у стола, раскладывая маленькие круглые камешки в кучки.

– Привет, – сказала Муми-мама. – Где папа?

– Он зажигает лампу наверху, – ответил Муми-тролль. – Он не позволил мне пойти вместе с ним. Он пробыл там ужасно долго.

Пустое птичье гнездо лежало на тумбочке. Муми-мама продолжала свистеть, складывая дощечки в кучу у плиты. Ветер утих, и солнце светило в западное окно, бросая теплые лучи на пол и белую стенку.

Когда затеплился огонь, Малышка Мю пробралась сквозь дверь и, как кошка, прыгнула на подоконник. Она прижалась носом к раме и стала корчить воробьям страшные рожи.

Вдруг люк с шумом отворился, и Муми-папа зашагал вниз по лестнице.

– Хорошо горит? – спросила Муми-мама. – Ты сделал нам прекрасные кровати. А в бочке можно солить рыбу. Жалко было бы использовать ее только для дождевой воды...

Муми-папа подошел к южному окну. Муми-мама быстро взглянула на него и заметила, что его хвост напряжен и кончик его подергивается от раздражения. Она подбросила дров в огонь и открыла банку селедки. Муми-папа выпил чай, не сказав ни слова. Муми-мама убрала со стола, поставила на него штормовую лампу на стол и сказала:

– Помню, я слышала однажды, что некоторые маяки работают на газе. Когда газ заканчивается, их почти невозможно зажечь.

Муми-папа вскочил из-за стола, крича:

– Ты не понимаешь, сейчас я смотритель маяка! Лампа должна светить! В этом весь смысл. Неужели ты думаешь, что можно жить в маяке и не поддерживать огонь? Что будет с лодками там, в темноте? Они могут оказаться здесь и затонуть прямо перед нашими глазами в любой момент...

– Он прав, – согласилась Малышка Мю. – И утром на берегу будет полно утонувших Филифьонок, Мюмл и Хомс, позеленевших от водорослей и с белыми лицами...

– Не говори глупостей, – сказала Муми-мама. Она повернулась к Муми-папе: – Если ты не зажжешь лампу сегодня, то зажжешь завтра или в другой раз. А если она совсем не будет работать, в плохую погоду мы вывесим за окно штормовой фонарь. Кто-нибудь должен увидеть его и понять, что если плыть в этом направлении, то попадешь на берег. Кстати, было бы неплохо занести кровати до темноты. Я не доверяю этим шатким ступеням.

– Я сам занесу их, – сказал Муми-папа, снимая шляпу с гвоздя.

* * *

На скалах почти стемнело. Муми-папа стоял, глядя в море. "Сейчас она зажигает штормовой фонарь. Она увеличивает пламя и стоит, глядя на него, как всегда. У нас полно керосина..."

Все птицы уснули. Скалы на восточной оконечности острова чернели на фоне неба там, где только что зашло солнце. На одной из них возвышался буй, а может, просто каменная пирамида. Муми-папа поднял первую кровать, а затем остановился и прислушался.

Вдали послышался неясный вой, одинокий вопль, не похожий ни на что, слышанное им раньше. На мгновение Муми-папе показалось, что скала под ним задрожала, но потом все стихло.

"Это, должно быть, птица, – подумал он. – Иногда у них такие странные голоса". Он поднял кровать на плечи. Это была добротная крепкая кровать, с ней все было в порядке. Но кровать смотрителя маяка там, в башне, принадлежала Муми-папе и никому другому.

* * *

Муми-папе снилось, что он бежит вверх по бесконечной лестнице. Темнота вокруг наполнена хлопаньем птичих крыльев. Птицы молча уворачивались от него. Ступени громко скрипели и стонали при каждом шаге. Муми-папа страшно спешил. Ему надо было добраться до верха и, пока не поздно, зажечь лампу, это казалось очень важным. Ступеньки становились все уже и уже. Он осознал, что слышит звук железа под лапами – он был наверху, там, где лампа ждала его в своем круглом стеклянном домике. Сон все замедлялся и замедлялся. Муми-папа ощупывал стены в поисках спичек. Большие куски изогнутого цветного стекла, отражавшие море, попадали под руки. Красное стекло делало волны красными, как огонь, сквозь зеленое стекло море внезапно обернулось изумрудно-зеленым, холодным и отдаленным, находящимся где-то на луне, а может, вообще нигде. Нельзя было терять время, но чем больше он спешил, тем медленней все происходило. Он споткнулся о газовые баллоны, которые покатались по полу, как волны, их становилось все больше и больше. А потом птицы вернулись и стали бить крыльями по стеклу. Все сговорилось помешать ему зажечь лампу. В ужасе Муми-папа громко закричал. Стекло разбилось и разлетелось на тысячи сверкающих осколков, море поднялось высоко над крышей маяка, и Муми-папа начал падать, глубже и глубже, – и проснулся посередине комнаты с одеялом на голове.

– В чем дело? – спросила Муми-мама. Комната была голубая и неподвижная, четыре окна обрамляли ночь.

– Мне приснился сон, – сказал Муми-папа. – Это было ужасно.

Муми-мама встала и подложила несколько сухих поленьев в тлеющие угли. Вспыхнуло пламя, теплый золотой свет заиграл в темноте.

– Я сделаю тебе бутерброд, – предложила она. – Все из-за того, что ты спишь в незнакомом месте.

Муми-папа сидел на краю кровати и ел бутерброд, страшный сон таял.

– Это не комната, – сказал он. – Это кровать навевает такие кошмары. Я сделаю себе другую.

– Наверное, ты прав, – согласилась Муми-мама. – Тебе не кажется, что чего-то не хватает? Здесь не слышно шума деревьев.

Муми-папа прислушался. Он услышал голос моря, бормочущего вокруг острова, и вспомнил, как шептались по ночам деревья возле их старого дома.

– Вообще-то это довольно приятно, – сказала Муми-мама, заворачиваясь в одеяло. – Это по-другому. Тебе ведь не будут больше сниться страшные сны, правда?

– Не думаю. А бутерброд ночью – это здорово!